АРХИВ НЕДОСТАВЛЕННОГО

АЛЕКСЕЙ ГРЯЗИНСКИЙ

Алексей Грязинский

Архив недоставленного

«Автор»
2026

Грязинский А.

Архив недоставленного / А. Грязинский — «Автор», 2026

Архив был местом, куда попадали письма, по разным причинам не дошедшие до адресата. Смотритель вносил данные о каждом из них в свою тетрадь, затем в компьютер. Всё шло своим чередом до тех пор, пока однажды у привычной машины с недоставленным не сменился водитель, а у смотрителя не возникло желания отправить посылку самому.

© Грязинский А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Грязинский
Архив недоставленного

Недоставленные письма сдавали в архив. До архива здесь была контора лесничества, но от неё остались только подоконники, выкрашенные зелёной краской, и гвоздь в стене, предназначенный скорее для фоторамки, но на который никто ничего не вешал уже лет десять. Потом здесь был склад. Потом помещение стояло пустым, пока его не отдали под вещи, которые не дошли до адресата.

Я мог бы сказать, что архив стоял на краю города, но это было бы не совсем верно. Он стоял на краю того, что когда-то было деревней, а теперь не было ни деревней, ни городом, но чем-то средним, с магазином, который закрывался в шесть, и автобусом, который ходил два раза в день. Если пройти мимо магазина и свернуть налево у покосившегося фонарного столба с мерцающей жёлтой лампой, вы увидите невысокое здание с протекающей крышей и окнами, которые пропускают ветер. Летом этот ветер даже казался приятным, зимой от него не было спасения.

Смотрителя звали… Впрочем, имя его вам ничего не скажет, и я не буду его называть. Он работал здесь каких-то четыре года. Может показаться, что мало, но за это время он выучил, как пахнет разная бумага. Плотные конверты пахли клеем и чем-то древесным, мягкие — почти ничем. Однажды пришла посылка, в которой лопнула банка варенья. Он выбросил всё, что было внутри, а запах оставался в комнате ещё неделю, и всё это время ему казалось, что кто-то стоит за спиной и осуждающе качает головой.

Теперь я должен объяснить, как работал архив, потому что он был устроен не так, как библиотека или почта. Посылки приходили раз или два в неделю, иногда чаще. Приезжала машина, смотритель принимал коробки и расписывался в накладной, потом разбирал. У каждой вещи была бирка с номером, датой и полями «От кого» и «Кому». Иногда все поля были заполнены, иногда — только отправитель. Смотритель вносил данные в огромную толстенную тетрадь, потом в компьютер, описывал посылку и сдавал в огромный архив в задней части помещения.

Мне не хотелось бы, чтобы у вас создалось впечатление, будто в архиве было что-то загадочное. Загадочного там не было ничего, кроме, разве что, одного правила, о котором я сейчас расскажу. Архив этот принимал самые разные отправления — вернее, не столько сами отправления, сколько то, что не доходит до получателя, по самым разным причинам: получатель не смог получить письмо, потому что сменил проживание, не смог получить подарок отправителя, потому что умер, а некоторые не могли быть доставлены до получателя по самой банальной и самой частой причине: потому что человеку это было ни к чему. Да, он проживал по указанному адресу, и, приди к нему отправление, он взял бы его с радостью, но получать было ни к чему. Как дарить подарок человеку, которому он вовсе не нужен. Все такие «недоставки» приходили в архив, вносились в журнал, описывались и отправлялись в бездонный склад, из которого уже никогда не выйдут обратно.

Днём в архиве было тихо. Гудела лампа на потолке. Смотритель привык к ней и замечал только тогда, когда она собиралась перегореть. Тогда звук у неё был монотонный и надоедающий — как у мухи, умирающей на подоконнике. Зимой от окон дуло, он затыкал щели ватой. Летом пахло нагретой пылью, и он открывал окно. С улицы доносился шум дороги, иногда — голоса каких-то людей, которых не мог увидеть. Один раз кто-то долго кричал во дворе, и крик прекратился только к закату, когда пришло время уходить на покой.

Вещи возвращали разные. Чаще всего письма. Иногда фотографии, книги, что-то бессмысленное. Один раз пришла коробка с камнями. Смотритель, описав, решил не сразу отправлять на склад, а ради любопытства разобраться: зачем кому-то дарить камни. Но интерес к

этому делу быстро угас, и камни отправились с очередной описанной партией за старую, но всё ещё крепкую дверь бездонного склада.

Письма он не читал, хотя запрета на это не было. Иногда строчки были видны через прозрачное окно конверта, и тогда он отводил глаза.

Машина приезжала по вторникам и пятницам, иногда сдвигалась на среду, если в пути что-то случалось, но смотритель привык ждать её к десяти. В то утро она опоздала почти на час. Он успел дважды выйти на крыльцо, посмотреть на дорогу и вернуться, успел вскипятить чайник и забыть о нём, так что вода выкипела, и жестянка запахла гарью. Когда машина наконец подъехала, из кабины вышел не прежний водитель, а парень в спецовке не по погоде, с накладной под мышкой и ручкой, которую он держал во рту, потому что руки были заняты коробкой.

— Здравствуйте, — сказал парень, вынув ручку. — Я вместо Михаила. Он ушёл, то есть своё отработал. Куда нести?

Смотритель показал на дверь. Коробок было семь, парень носил их по одной и после каждой возвращался к машине, а на четвёртой остановился и спросил, не надо ли помочь с разбором, потому что Михаил, бывало, оставался и помогал, если было много. Смотритель сказал, что не надо, но парень всё равно остался, потому что накладную надо было подписать, а ручка, как назло, не писала, и он искал другую в бардачке.

Парень говорил, что раньше работал на складе, но там платили меньше, а ездить туда было дольше; говорил, что город ему не нравится, но в деревне совсем нечего делать; говорил ещё что-то, и смотритель слушал вполуха, потому что думал о своём, а точнее, ни о чём, просто смотрел, как парень держит кружку обеими руками, хотя чай был не очень горячий.

— А это что? — спросил парень, кивнув на полку, где лежала небольшая коробка, перевязанная бечёвкой.

— Что-то, — сказал смотритель. — На бирке нет описания.

Парень подошёл и с наигранной осторожностью посмотрел. Среднего размера коробка была обёрнута бумагой, на которой вручную нанесли силуэты птиц: то ли оригами, то ли черновик для тренировки.

— Судя по картинкам, подарок от ребенка. Не знаю, кому отправлял, опись я сделал, но хотел немного осмотреть каракули.

— Что же отправителю не вернули, раз ребёнок? — поинтересовался парень.

— Значит, так решили там, — мотнул куда-то в сторону смотритель, — к нам всё подряд не идет. Только отдельные случаи. Да ты знаешь.

— Знаю.

Парень подождал, не добавит ли смотритель чего-нибудь, но тот молчал. Тогда парень сказал «понятно» и вернулся к чаю, и больше они об этом не говорили. На самом деле, смотритель и сам не всегда мог понять, почему недоставка приходит к нему, а не возвращается получателю. Так надо. Ему коротко объяснили в первый день: раз пришла посылка или письмо в архив, значит, частный случай, и возврат по каким-то причинам невозможен. И доставить нельзя. Иногда, правда, правило срабатывало странно: бывало, в графе «причина недоставки» ставили до ужаса странные объяснения: «Отправитель сжёг письмо», или «Умер, не успев дописать», или даже «Получатель не ответил взаимно». Смотритель не спрашивал, что это значит. В архиве хватало того, что заставляло задуматься, но смысла в этом не было никакого.

Когда парень уехал, смотритель разобрал оставшиеся коробки и внёс их в тетрадь. Ближе к вечеру под окнами вновь закопошились мухи. Однажды старуха попыталась забрать посылку, которую когда-то отправила, но смотритель отказал ей и отнёс в хранилище к остальным вещам, и с того момента она периодически приносила под окна не самые приятные подарки: зарезанных кроликов, рыбьи потроха и куриные ноги. Смотритель отправлял всё это к остальным недоставленным вещам, за дверь хранилища, чтобы оно не начинало гнить.

На следующий день привезли ещё одну порцию недоставленного. В основном письма. Он разложил их на столе и начал с первого, потому что оно лежало сверху. Это было письмо в плотном конверте, без обратного адреса, и адресовано оно было женщине, чьё имя стояло на бирке, — имени он не запомнил, помнил только, что оно было редкое и что в тетради напротив него уже стояла одна пометка, сделанная давно, года три назад, карандашом, который с тех пор стёрся почти до белого. Письмо было запечатано, и на обороте кто-то написал печатными буквами: «Если не дойдёт, верните». Ниже — пустое место, где должен был стоять адрес, но там ничего не было.

Такие письма попадались нередко. Смотритель не знал, почему человек пишет «верните». Он поставил в тетради дату, номер и в графе «Примечание» вывел: «Без обратного адреса». Потом положил письмо в коробку. В конце дня отнесёт с остальными письмами в хранилище.

Вторая вещь была потяжелее. В мятой картонной коробке, перемотанной скотчем в трёх местах, лежала книга — старый томик в твёрдом переплёте, с пожелтевшими страницами и надписью на форзаце, сделанной чернилами, которые выцвели до цвета чая. Надпись он всё-таки прочитал: «Дорогому сыну от матери. Читай на здоровье». На бирке в причине недоставки стояла причина: «умер». Кто это приписал — отправитель или тот, кто принимал посылку на почте, — смотритель не знал. Он поставил в тетради дату, номер и причину. Книгу он сперва хотел положить отдельно, но всё-таки забросил в коробку с письмами.

Третья вещь оказалась маленькой, в бумажном пакете, и в ней лежал брелок — металлическое кольцо с болтающимся на нём кусочком чего-то прозрачного, внутри которого был залит то ли цветок, то ли травинка (смотритель не разобрал). Бирка была заполнена наполовину: поле «От кого» содержало имя и адрес, а поле «Кому» было пустым. Смотритель повертел брелок в руках, положил обратно в пакет и внёс в тетрадь: «Поле „Кому“ не заполнено».

После обеда он стал переписывать вчерашние записи набело, потому что почерк у него к вечеру портился, а он любил, чтобы в тетради было аккуратно. Под такую монотонную механическую работу хорошо думалось, хотя думать ему не хотелось.

К вечеру пришёл старик, который заходил примерно раз в месяц и каждый раз приносил пустую коробочку размером со спичечный коробок. Внутри лежала разная жизнь, каждый раз новая: то кузнечики, то опарыши, то мышиные приплоды. Коробочка вскоре тоже отправилась в хранилище.

На улице было уже совсем темно. Фонарь у магазина горел, как всегда, и кто-то стоял под ним с пустым поводком для собаки. Смотритель закрыл дверь на ключ, подёргал её, чтобы убедиться, что заперто, и пошёл домой, вспомнил по дороге, что не записал в тетрадь брелок из третьей вещи, но потом вспомнил, что записал, и успокоился.

В пятницу машина приехала вовремя, но за рулём была не Михаил и не тот парень, а девушка. Смотритель услышал, как хлопнула дверца кабины, и вышел на крыльцо, и первое, что он заметил, — это что она поставила коробку на землю, а не на крыльцо, и что коробка была большая, а она несла её одна, без тележки. Потом он заметил, что у неё на куртке молния сломана и заклеена скотчем, и скотч был не серый, а прозрачный, и под ним было видно, как разошлись зубцы.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я заменяю старые кадры. У них срок работы кончился, ушли на покой. Меня зовут Вера.

Он сказал, что знает, хотя не знал, что Михаил отработал свое. Казалось, что Михаил и вовек не отработает свои года, но, видимо, искупился, как когда-то искупятся и все они.

Коробок было девять, и на восьмой она сказала, что ненавидит сцепление в этой машине, потому что оно схватывает в самом конце, и что если она когда-нибудь попадёт в аварию, то только из-за него. Смотритель сказал, что в машине, наверное, просто старый диск, но Вера

ответила, что диск тут ни при чём, и они немного поспорили, но не всерьёз, а потом она спросила, можно ли помыть руки, потому что коробки были пыльные.

В подсобке она долго мыла руки, а потом вытерла их бумажным полотенцем, которое он ей дал, и сказала, что у него тут пахнет, как в библиотеке, куда она была записана в детстве и потом забыла сдать книгу, и что она до сих пор помнит, как эта книга выглядела, но не помнит, о чём была. Смотритель сказал, что у него тут пахнет старой бумагой, а не библиотекой, потому что библиотеки проветривают, а у него окна не открываются нормально, только на щель.

Она налила себе чай из его чайника, не спросив, и это было нормально, потому что чайник стоял на виду, а чашки были в шкафу, и она взяла одну, железную, ту самую, из которой пил парень, и смотритель подумал, что надо бы купить ещё чашек, но потом забыл. Вера спросила, давно ли он здесь работает, он ответил. Она присвистнула и сказала, что за все эти годы можно было и порядок навести, и приукрасить всё. Он сказал, что этим заниматься будет тот, кто придёт ему на замену, потому что срок его тут уже недолог.

Потом она заметила гвоздь в стене — тот самый, на который никто ничего не вешал, — и спросила, зачем он. Смотритель ответил, что не знает. Вера сказала, что у них на складе тоже есть такой гвоздь в раздевалке, и никто не знает, зачем он, и что один раз кто-то повесил на него куртку, а потом её снял, и гвоздь остался, и все с тех пор думают, что он для чего-то нужен, но никто не может вспомнить, для чего. Она сказала это и засмеялась, а смотритель не засмеялся, но улыбнулся, и она, наверное, этого не заметила, потому что в этот момент смотрела на гвоздь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.